

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. С. ШИХАРЕВА

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА У СЕРБОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Теоретические положения Маркса и Энгельса о сельской общине имеют основополагающее значение для конкретных исследований этой формы общественной организации у отдельных народов — исследований, которые, приходится это отметить, все еще проводятся в весьма ограниченных размерах. В частности, очень плохо еще изучена сельская община у сербов. Ни в югославской, ни в другой научной литературе нет ни одной работы, посвященной этой теме. Отдельные сведения о сельской общине, имеющиеся в некоторых этнографических работах и трудах общеисторического характера, очень несистематичны и поверхностны.

Между тем, уже с 1880-х годов вопрос о сельской общине у сербов занял определенное место в науке. Как известно, в это время в связи с подъемом революционного рабочего движения идеологи буржуазии усилили пропаганду идей извечности и неизбежности устоев буржуазного общества, в том числе и частной собственности на землю. Некоторые ученые, как Фюстель де Куланж во Франции или В. И. Сергеевич в России специально пытались опровергнуть существование в древности сельской общины с коллективным землевладением¹. В Сербии, где в этот период усилились процессы классового расслоения и обезземливания крестьянства, эта теория нашла живейший отклик. Ее идеи подхватили и развили применительно к сербским условиям И. Цвиич, Ст. Новакович, С. Радославлевич, Д. Алимпич, С. Вукосавлевич и др.² Они ссылались, в частности, на тот факт, что законодательство, посвященное сельским общинам и их владениям, появилось в Сербии только с 1830—1840-х годов. С. Радославлевич отрицал наличие общинных владений, да и вообще сельской общины в средние века, ссылаясь на то, что в то время якобы не было проведено границ владениями отдельных сел³. И. Цвиич считал, что общинное землевладение, известное сербам в V—VI вв., т. е. в годы переселения их на Балканский полуостров, исчезло в период развитого средневековья и только в турецкое время или после освобождения Сербии «появились и развились

¹ См.: Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, М., 1952, стр. 62.

² Ј. Цвијић, Балканско полуострво, т. I, Београд, 1922: его же, Антропогеографски проблеми Балканског полуострва», «Насеља српских земаља», кн. I. Београд, 1902; Ст. Новаковић, Село, «Глас», кн. 24, Београд, 1891; С. Радослављевић, Еволуција српске задруге. Београд, 1886; Д. Алимпич, Општине, «Народна енциклопедија...», т. III; С. Вукосављевић, О земљишној војини на селу, «Гласник Српске Академије Наука», кн. 2, св. 1, Београд, 1950.

³ С. Радослављевић, Указ. раб., стр. 23.

виды коллективного землевладения»⁴. То же считал и видный знаток сербского средневековья Ст. Новакович⁵. Наконец, С. Вукосавлевич полагал, что коллективная земельная собственность в Сербии развилась только в период турецкого господства и под влиянием турецкого законодательства⁶.

Идея отрицания коллективной земельной собственности в период средневековья продолжает пользоваться распространением и в современной югославской науке. Она нашла свое отражение в последнем издании Югославской энциклопедии, где прямо говорится, что «...в Сербии времен Карагеоргия основаны и чтимы частная собственность отдельных сербов и коллективная собственность семейных задруг, сел и общин»⁷.

В сербской литературе существует мнение, что сельская община является искусственной организацией, навязанной народу государством. С. Радославлевич, например, пишет, что «общинные границы у сербов не имеют никакого экономического значения, так как они возникли не из экономических факторов. Причины этого разграничения нужно искать в политической организации сербского общества, а не в народном хозяйстве»⁸. Такое понимание процесса возникновения сельской общины привело к появлению взгляда на общину как на объединение только административного характера, не имеющее никакого экономического значения. В Югославской энциклопедии дано определение общины как «местного, общественного, правового объединения самоуправляющегося характера»⁹.

О сельской общине у сербов до XIV в. имеются лишь отрывочные данные, которые не позволяют воссоздать картину ее хозяйственного и административного устройства. Советский историк Е. Э. Липшиц, исследовав «Земледельческий закон» — ценный памятник по истории аграрных отношений Византии VIII в., пришла к выводу, что «славянские поселения представляли собой в VI—VIII вв. сельские территориальные общины...»¹⁰. В период заселения Балканского полуострова славянами их родовая организация находилась на стадии разложения; на смену ей приходила организация территориальная, которая, как указал К. Маркс в черновых набросках письма к В. Засулич, оказалась «более способной приспособляться, расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими»¹¹. Переселение славян на Балканский полуостров ускорило распад родовой организации и смену ее территориальной.

К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими характеризовать развитие территориальной общины у сербов в период раннего сербского средневековья, на исходе которого источники («Законник» Стефана Душана, монастырские описи и грамоты) рисуют картину уже не только сформировавшейся, но и вступившей в период разложения общинной организации.

Если в начале своего существования общины были самостоятельными в экономическом и правовом отношении, то развитие феодализма приводило к тому, что феодалы стали посягать на права общин, оказывавших им, впрочем, сильное сопротивление. Именно благодаря существованию сильных крестьянских общин процесс феодализации в Сер-

⁴ J. Цвијић, Балканско полуострво, т. I, стр. 274.

⁵ Ст. Новаковић, Указ. раб., стр. 186—196.

⁶ С. Вукосављевић, Указ. раб., стр. 213.

⁷ M. Bartoš, *Vaštinsko pravo u Srbiji*, «Enciklopedija Jugoslavije», т. I, Zagreb, 1955, стр. 390 (Разрядка моя.— М. Ш.).

⁸ С. Радослављевић, Указ. раб., стр. 21.

⁹ Д. Алимпић, Указ. раб., стр. 197.

¹⁰ Е. Э. Липшиц, Славянская община и византийский феодализм, «Византийский временник», т. I (26), М., 1947, стр. 160.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 680.

бии протекал несколько замедленно, эксплуатация крестьянства носила смягченные формы, и еще в XIV в. в стране сохранялись остатки свободного крестьянства (себры). Хотя упрочение феодальных отношений неуклонно влекло за собой захват феодалами общинных земель и урезывание общинного самоуправления, в XIV в. община продолжала сохраняться как экономическая и организационная ячейка; более того, община с ее круговой порукой и тесной связью всех ее членов использовалась феодалами в целях облегчения сбора налогов и выполнения различных повинностей.

Члены сельской общины имели как частную, так и коллективную земельную собственность. В частном владении находились двор, приусадебный участок и пахотные земли, в коллективном — различные виды угодий.

Монастырские грамоты и описи монастырских владений помогают нам выяснить вопрос о том, какие именно угодья и земли находились в общинном пользовании. Существовали определенные формы описания села и его владений, как, например: «Дарю... село Вешчани с межами и со всеми правинами..., село Радохожду с заселками и словищами и с планинами¹² и со всеми правинами, село Полошко с межами и с заселками, и с мельницами, и с сенокосами и со всеми правинами села того»¹³. Таким образом, в коллективном пользовании находились пастбища, сенокосы, места охоты и рыбной ловли, мельницы; сюда следует добавить упоминаемые аналогичными источниками леса, водоемы и дороги.

Помимо упомянутой выше общинной собственности, во владениях отдельных сел, возможно, находились и пахотные земли. Например, в грамоте Стефана Душана церкви св. Богородицы (1345) среди других дарений упоминается «село Купача с заселком и с полем и с бродом...¹⁴ и со всеми правинами»¹⁵. Упоминание «поля» среди других общинных угодий мы находим в грамоте деспота Драгоша монастырю Русику (1377): «...Приношу в дар св. великомученику Пантелеймону село Мокрани с синором, с планиной, с бродом, с виноградниками, ...с мельницами, ...с полем, с лугом, с ловищем, с бродом, с рекой... село Мокриво с синором, с планиной, с бродом, с виноградниками, с садами, с мельницами, ...с полем, с лугом, с ловищем, с рекой, с бродом... Село Зебовце с синором, с планиной, с бродом, с полем и со всем потесом¹⁶, который оно имело. Село Борисово с синором, с планиной, с бродом, с виноградниками, с садами, с мельницами..., с полем с лугом, с ловищем, с рекой и бродом, село Габрово с синором, с планиной, с бродом, с виноградниками..., с мельницей, с полем, с лугом, с ловищем, с рекой и бродом»¹⁷.

Однако данные этих источников недостаточно убедительны для доказательства наличия пахотных земель в общем владении всех общин. Мы не можем решить вопрос о наличии и степени распространенности пахотных земель в коллективном владении общины, так как не располагаем достаточным фактическим материалом. Но, как свидетельствуют источники, в большинстве сельских общин в XIV в. пахотные земли не входили в состав коллективных владений села. Есть мнение, что на ранних этапах своего существования — в V—VI вв. — сербская сельская об-

¹² Правина — частные и коллективные земли и угодья села; ловище — место охоты или рыбной ловли; планина — 1) гора; 2) лесистая гора; 3) коллективное сельское пастбище с определенной системой землепользования.

¹³ Ст. Новаковић, Указ. раб., стр. 80; Г. Елезовић, Турски споменници, Београд, 1940, стр. 77 (Разрядка везде моя. — М. Ш.).

¹⁴ Брдо — гора или холм.

¹⁵ А. Соловьев, Одабрани споменници српских држава средњега века, Београд, 1929, стр. 128.

¹⁶ Потес — комплекс сельских частновладельческих обрабатываемых земель.

¹⁷ «Акты русского на святом Афоне монастыря», Киев, 1873, стр. 372.

щина сохраняла периодические переделы пахотных земель¹⁸. Сведений о наличии переделов в более позднее время нет.

Владения сельской общины, т. е. частные и коллективные земли и угодья, имели строгие границы. Село как целое не мыслилось без его межи (межа, синор), обозначающейся особыми знаками (меџница). Обычно это были большие груды камней, деревья, ручьи, тропинки и т. п. Все средневековые источники, содержащие сведения о селах, непременно подчеркивают значение межи. Село как целое не мыслилось без его межи. Установление и соблюдение границ села имело экономическое значение и было связано с тем, что село было ответственно за любое преступление, совершенное в его границах. Границы села соблюдались очень строго, и любое их нарушение каралось законом. Согласно «Законнику» Стефана Душана (1359), «повреждение сельской межи карается штрафом в сумме 60 перперов, если столкновение было между селами, и 100 перперов, — если с влахами и албанцами; и половина этого штрафа отдается царю, а вторая половина — владельцу села»¹⁹.

Мы почти не располагаем материалами, позволяющими осветить вопрос о внутреннем управлении сельской общины. До издания «Законника» Стефана Душана сельская община, вероятно, обладала большими правами самоуправления, так как существовал «собор» себров²⁰. «Законник» отменил этот «собор» и тем самым подорвал сельское самоуправление. Во главе села стоял старейшина — «кнез», «примиџур», «управник», «престојник», «челник», «катунар»²¹. Община обладала некоторой судебной властью. Судебные дела решались на основе показаний свидетелей и «мазии»²². «Законник» Стефана Душана запретил мазию²³, однако она бытовала еще и в XIX в. Члены сельской общины были объединены обязанностью приселицы²⁴, коллективной ответственностью села за преступление, совершенное в его пределах, обязанностью охраны дорог и т. д.²⁵

Развитие феодальных отношений, приводившее к раздаче и захвату сельских земель и к усилению судебной власти феодала, имело следствием постепенную утрату сельской общиной ее коллективных владений и самоуправления.

* * *

Начало XIX в. ознаменовалось крупным событием в жизни сербского народа — освобождением от турецкого владычества.

Уничтожение турецкой феодальной системы можно условно считать началом становления в Сербии капитализма, тормозившегося, впрочем, наличием довольно сильных феодальных пережитков, сохранявшихся в силу экономической отсталости Сербии и ее длительной полигической зависимости от Турции. Феодальные пережитки имели место как в промышленности (сохранение цехового ремесла), так и в сельском хозяйстве (сохранение патриархальных форм хозяйства, некоторых барщинных работ — «кулук», а также крупных помещиков «великопоседмиков»).

После отмены военно-ленной турецкой феодальной системы землевладения в Сербии сложилось четыре его типа: 1) государственное;

¹⁸ «Historija naroda Jugoslavije», т. I, Zagreb, 1953, s. 100.

¹⁹ «Душанов Законик», «Матица српска», кн. 3, «Нови сад», 1950, ст. 77, стр. 50.

²⁰ Себр — свободный крестьянин.

²¹ «Душанов Законик», ст. 46, стр. 60.

²² Мазия — «божий суд», основанный на испытании кипящей водой и раскаленным железом.

²³ «Душанов Законик», ст. 84, стр. 50.

²⁴ Приселица — обязанность крестьян предоставлять ночлег, кормить, охранять и перевозить своего господина, высших царских чиновников и иностранных купцов («Душанов Законик», стр. 47).

²⁵ «Душанов Законик», ст. ст. 82, 133, 135, 157—159, 187, стр. 50, 57—58, 62, 67.

2) церковное; 3) частновладельческое; 4) общинное. Остановимся на последнем, составляющем предмет нашего исследования.

В Сербии XIX в., как и в предшествующие периоды, каждое село владело определенными землями и угодьями, называвшимися сельским или общинным, атаром²⁶. В «Законе об общинах» (1902 г.) указано, что «каждая община имеет свою территорию, на которую простирается ее власть, и эта территория называется общинным атаром»²⁷.

В начале XIX в. земли в атаре почти повсеместно имели только жители данного села или общины. Владение землей в чужом атаре было редкостью. В то время еще имелось достаточное количество земель в атаре того села, где жил крестьянин, кроме того, владение землей в чужом атаре было связано с определенными трудностями, так как человек, приобретший здесь землю, не обладал правом пользования прочими сельскими угодьями. Но уже в середине XIX в., в связи с исчезновением свободного фонда земель, ростом товарно-денежных отношений, обнищанием крестьянства и участвовавшей продажей крестьянских владений, увеличивалось число владельцев земель, которые не были жителями данного села или общины.

Как и в прошлом, сельский атар имел строгие границы. Они могли быть изменены только в случае раздела общины или переименования. Границы сельских атаров отмечались специальными знаками «меджницами» («међница», «међаша») ²⁸. Обычно границы земельных владений села устанавливались государственными чиновниками на основе показаний «почтенных крестьян» (чаще всего сельских старост — кметов) соседних сел. Размежевание и особенно попытки захвата чужих земель вызывали частые распри и тяжбы.

Межевые споры и борьба за сохранение постоянных границ имели место не только в Сербии. Как известно, очень острой была борьба «за межу» в русских общинах. Строгое соблюдение межи и стремление сохранить свои земли были характерны также для болгарских и албанских сел ²⁹.

В сельском атаре строго различались частные и общинные, коллективные владения. Комплекс коллективных владений села в Сербии в XIX в. был известен под наименованием «комун», или «заједница». Комун обычно составляли следующие земли, угодья и общественные сооружения: 1) сельское пастбище; 2) «забран» — участок леса; 3) сельские дороги; 4) сельские мельницы и сукновальни; 5) каменоломни, если село вело добычу камня; 6) водные источники — колодцы, родники, реки и ручьи в атаре села; 7) сельские комнаты для приезжающих; 8) «судница» — здание сельского суда; 9) место для проведения общественных праздников и сходов; 10) сельское кладбище.

Коллективные сельские пастбища («селина», «планина», «утрина», «баталија», «пусталија», «попаша») имели большое значение в жизни сербского крестьянина. Они, как правило, возникали одновременно с основанием села; иногда их появление было связано с покупкой земель у соседних общин или у государства. Во второй половине XIX в. количество коллективных сельских пастбищ сильно уменьшилось, что было связано с общим процессом обнищания сербского крестьянства. Коллективные пастбища, расположенные вблизи села (селины), служили базой для заготовки сена на зиму и для прокорма того скота, который

²⁶ Атар — совокупность частновладельческих и общинных (коллективных) земель и угодий.

²⁷ «Закон о општинама», Београд, 1902, стр. 4.

²⁸ Л. Цвијић, Балканско полуостров, т. I, стр. 274.

²⁹ Л. В. Маркова. Сельская община у болгар в XIX в. Кандид. диссертация, М., 1954, стр. 63; «Канун Лека Дукагыни», § 241 (по работе Ю. В. Ивановой «Канун Лека Дукагыни как этнографический источник», Кандид. диссертация, М., 1954, Приложение, стр. 59).

не угоняли на отдаленные пастбища³⁰. Земли селины, ввиду их близости к поселению, раньше всего подвергались разделу и переходили в частную собственность отдельных владельцев.

Распространенной формой коллективных сельских пастбищ были планины, обычно удаленные от села на несколько километров. В систему планин входили и дороги, по которым гнали скот. Эти дороги были строго определены, так как часто они проходили по атарам других сел. Большое значение имели и дороги внутри планин, ведущие к водопою³¹. Наличие водопоя (појила) на планине очень ценилось, так как пользование водопоем на чужой планине вызывало дополнительные расходы. В режиме водопоя была установлена определенная система и очередность. Каждый общинник должен был следить за содержанием в порядке водопоя и ведущих к нему дорог. На планинах находились поселения пастухов (катуны), а также загоны и сооружения для скота (станови, прибоји, бачила, јагнила)³².

В XIX в. в Сербии были раскорчеваны большие массивы лесов. Уже в 1850-х годах количество лесов по сравнению с 1820-ми годами уменьшилось в два раза. По данным 1897 г., на 2 709 164,70 га всей поверхности Сербии приходилось только 481 213,95 га леса³³. Лесные участки в комуне в конце XIX в. были очень незначительны. Уже со второй половины и особенно с конца XIX в. общины перестали наделять своих членов лесными делянками: лес использовался исключительно для удовлетворения потребностей общественных учреждений. Лишь иногда, особенно в холодные зимы, община разрешала беднякам брать из леса дрова.

Коллективной собственностью села были и мельницы. Их строительство и ремонт производились за счет общины. Каждое крестьянское хозяйство имело право на пользование мельницей, причем оно, в отличие от прав на прочие виды коллективной собственности, могло передаваться другим лицам. Пользование мельницей производилось в порядке строгой очередности и по определенным отрезкам времени (ред). Реды были очень устойчивы; их число не менялось даже с разделом задруг и образованием новых хозяйств. При разделе задруг ред делился по числу выделившихся хозяйств, в результате чего владение целым редом во второй половине XIX в. становилось уже редкостью: обычно семья владела от $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{8}$ реда³⁴.

Пользование коллективными сельскими землями и угодьями регулировалось нормами обычного права. Считалось, что каждый член общины обладает равными правами на коллективные владения села. Но в действительности этого равного права не существовало. Сельская верхушка — старосты, члены общинного комитета, зажиточные крестьяне, как правило, получали наиболее плодородные и удобные пастбища и лучшие участки при разделе коллективных земель. В Народную скупщину поступало много жалоб на несправедливое распределение пастбищ между общинниками. Так, в 1875 г. крестьяне с. Баньяни просили Народную скупщину запретить членам общинного комитета пасти свой скот на лучших пастбищах села и обязать их справедливо распределять эти пастбища между всеми³⁵. При пользовании пастбищем для свиней («жировнина») наибольшие выгоды получали богатые крестьяне, которые имели много свиней, тогда как неимущие или малоимущие

³⁰ С. Вукосављевић, Историја сељачког друштва, Београд, 1953, стр. 207—210.

³¹ С. Вукосављевић, О земљишној својини на селу, стр. 220—221.

³² С. Вукосављевић, Историја сељачког друштва, стр. 237—239.

³³ С. Јовановић, Уставобранители и њихова влада (1838—1858), изд. 2-е, Београд, 1925, стр. 80; Н. Вучо, Привредна историја Србије до првог светског рата, Београд, 1955, стр. 80.

³⁴ С. Томић, Комунице, «Народна енциклопедија...», т. II, стр. 361—362.

³⁵ «Протоколи Народной Скупштини», Београд, 1875, стр. 1372—1373.

фактически не могли воспользоваться своим правом на равную долю в силу отсутствия у них скота. Правда, иногда сельское собрание принимало решение о том, чтобы богатый выделил бедняку поросенка из своего стада, но это, конечно, не приводило к фактическому равенству³⁶. Крестьянство было бессильно сохранить равное право на коллективные владения, так как богатая верхушка села обладала и экономической мощностью, и административной властью. Часто бедняки были вынуждены неофициально³⁷ передавать богатым общинникам свои права на пользование комунум в счет долга или за помощь сельскохозяйственными орудиями, скотом, съестными припасами.

Право на общинные владения не было равным и для переселенцев, особенно там, где общину возглавляли коренные жители. Бывали случаи, что переселенцев вообще лишали права пользования коллективной собственностью села и для получения этого права им приходилось обращаться за помощью к государственной власти. Так, переселенцы из Белосавца в с. Ягнили в 1820 г. обратились в княжескую канцелярию с жалобой на коренных жителей с. Ягнили, которые не давали им пользоваться жиром и не пускали никуда, кроме раскорчеванных переселенцами нив³⁸.

Обычно житель села приобретал права на комун только в том случае, если он покупал у прежнего хозяина все его владения вместе с домом и становился членом общины, т. е. выплачивал общинные налоги, нес повинности, подчинялся указаниям общинных властей и соблюдал общесельские праздники и обычаи. Переселенец мог стать членом сельской общины только с согласия всех общинников. Как известно, этот обычай существовал и в соседних с Сербией областях; особенно строго он соблюдался там, где еще сохранялись черты племенной организации, например в Черногории, Албании.

Бывали случаи, что крестьяне покидали село и продавали свою землю, но оговаривали неприкосновенность своих прав на коллективную собственность. В таких случаях возвратившийся в село крестьянин вновь получал свою долю в коллективных владениях³⁹.

Общинник мог только пользоваться общинной собственностью без права продажи или залога своей доли. Община устанавливала правила пользования общинными землями, угодьями и сооружениями. Соблюдение этих правил было необходимым условием пользования коллективной собственностью. Особенно строго регламентировался режим пользования планиной, лесом и мельницей. Участки пастбищ на планине были четко определены и размежеваны. Были установлены даже места для постройки хижин пастухов (колиб)⁴⁰. Общинное собрание устанавливало сроки выхода на планину и косьбы ливад, и эти сроки никто не смел нарушать. Верховным собственником коллективных угодий оставалась сама община. Только она имела право продать, заложить, разделить или сдать в аренду свои владения. Обычно практиковалась сдача в аренду пастбищ, особенно жировины, и леса тем общинам, которые не имели их в своих владениях. Решение о сдаче в аренду выносило общинное собрание. Стадо чужой общины (нагонница) пускали на строго определенный срок. За предоставление пастбищ община получала компенсацию в денежной или натуральной форме. В районе Смедерева, например, аренда пастбищ оплачивалась деньгами, поступавшими в общинную кассу, и скотом — по 10 свиней с каждого стада, которых раздавали беднякам⁴¹. Многие общины, имевшие богатые

³⁶ М. Милићевић, Општине у Србији, Београд, 1878, стр. 36.

³⁷ По обычному праву общинник не мог продать, сдать или заложить свою долю в общем владении села, если он проживал в данном селе и был членом общины.

³⁸ «Књажеска канцеларија», кн. II, Београд, 1954, стр. 124.

³⁹ С. Вукосављевић, Историја селачког друштва, стр. 229.

⁴⁰ С. Вукосављевић, О земљишној својини на селу, стр. 220.

⁴¹ М. Милићевић, Указ. раб., стр. 36.

пастбища, злоупотребляли своим положением и требовали за аренду большие суммы денег или вовсе отказывались сдавать пастбища в аренду. В 1839 г. Народная скупщина издала специальный указ, устанавливающий таксу — 32 гроша со стада за пользование жировниной — и обязывающий общины, имеющие излишки жировнины, сдавать их соседним селам, нуждающимся в пастбищах. Кметы должны были заранее объявить, какое количество скота они смогут пустить на свои пастбища⁴².

Общинные леса обычно арендовали торговцы. За аренду леса они платили деньгами или ремесленными изделиями. Сдача в аренду лесов и пастбищ была одним из источников покрытия общинных расходов и задолженностей. Но уже со второй половины XIX в. доходы, получаемые общиной от сдачи в аренду ее коллективной собственности, становились все меньше в силу разложения общины и почти полного исчезновения этой собственности.

Процесс разложения общины, бурно протекавший во второй половине XIX в. и особенно в конце его, являлся следствием роста имущественного расслоения в среде крестьянства. Можно отметить следующие основные пути разложения общинной собственности в сербской деревне: 1) самовольный захват; 2) наделение общинной землей переселенцев и бедных общинников; 3) продажа и конфискация общинных земель за долги; 4) раздел коллективных владений между общинниками.

В первые годы после образования Сербского княжества самовольный захват земли не был запрещен, так как в стране имелись большие массивы необработанных свободных земель. В 1835 г. князь Милош издал указ, согласно которому собственником земли является тот, кто ее раскорчевал и обработал, хотя бы эта земля до того была собственностью какой-либо общины. Но уже в 1844 г. правительство ограничило свободный захват земель. Статьи «Гражданского законника» 1844 г. разрешали производить корчевку только с позволения государственных властей⁴³. Однако, несмотря на существование официального запрета, захват общинных земель продолжался, о чем свидетельствуют жалобы, поступающие в Народную скупщину. Так, в 1874 г. Народная скупщина разбирала жалобу крестьян Брчанской общины (Моравский срез, Руднички округ) о том, что семья Топаловичей захватила 50 плугов⁴⁴ общинной земли и пользуется ею как своей собственностью⁴⁵. В области Ресава земли, захваченные из фонда общинных и ставшие собственностью отдельных владельцев, получили даже специальное название — «зават»⁴⁶. Захвату коллективной собственности всегда сопутствовали подкуп сельской верхушки и насилие над бедняками. Наиболее богатая прослойка крестьян захватывала лучшие общинные земли.

В фискальных целях государство пыталось остановить обнищание сербского крестьянства путем раздачи беднякам земель из фонда общинных земель и лесов. Был издан ряд указов (1845, 1847, 1861 гг.), обязывавших общины давать беднякам небольшие наделы. Наибольшее количество земель было роздано по указу 1861 г. Этот указ предписывал общинам, имевшим лес и другие угодья, наделять землей тех общинников, которые настолько бедны землей, что не могут содержать свою семью, т. е. малоземельных и безземельных общинников и переселенцев.

⁴² «Зборник закона и уредба, издани у княжестве Србија», т. I, Београд, 1840, стр. 127—128.

⁴³ «Граждански Законик, за княжество Србија, Обнародован 1844 г.», Београд, 1873, § 231.

⁴⁴ Плуг земля — количество земли, вспахиваемой плугом за один день.

⁴⁵ «Протоколи Народной Скупштини», Београд, 1874, стр. 275.

⁴⁶ С. Мијатовић, Ресава, «Српски етнографски зборник». I од. «гласања српских земаља», кн. 16, Београд, 1930, стр. 119.

Надел передавался в полную собственность, но с оговоркой, что в течение 15 лет крестьянин не имел права его отчуждать ⁴⁷.

В течение 10 лет, с 1861 по 1871 г., общины бесплатно наделили землей ⁴⁸:

Округ	Число семей	Количество земли ⁴⁹ (в данах орања)
Алексинацкий	45	111
Белградский	88	154
Вальевский	20	106
Княжевацкий	11	6
Крагуевацкий	203	367
Крайинский	1	1
Крушевацкий	215	296
Подринский	14	27
Пожаревацкий	302	448
Рудницкий	5	18
Смедеревский	2	3
Црнорецкий	20	21
Чачанский	46	92
Ужицкий	28	100
Шабацкий	15	44
Ягодинский	72	198
Чуприйский	24	24
Всего	1111	2016

В среднем крестьянские хозяйства получили незначительные участки земли, размер которых не превышал и двух дней пахоты. Многие безземельные и малоземельные крестьяне вообще не получили земли. Меры, предпринятые правительством, не остановили процесса обеднения крестьянства. Наделение крестьянина участком земли, который он не имел права отчуждать в течение 15 лет, лишь ухудшило его положение. Привязанный к земле крестьянин попадал в еще большую кабалу к богачам. Фактически он превращался в сельскохозяйственного пролетария с наделом, трудом его пользовались богатые крестьяне.

Для уплаты налогов и погашения задолженности общины были вынуждены продавать свои лучшие владения частным лицам. Распродажа общинных владений особенно усилилась с 1880-х годов. Так, богатые горожане из Ягодина скупили почти все общинные и некоторые частные земли в окрестных селах Прачино, Ракитово, Паньевац, Буковче, Рибник, Рибаре и др. и потом сдавали их в аренду жителям этих же сел ⁵⁰. Наряду с этим, во второй половине XIX в. часть коллективных земель конфисковывалась государством в счет погашения общинных долгов.

В среде беднейшего сербского крестьянства имелась тенденция к разделу селины, тогда как богачи противились этому. По нашему мнению, это явление можно объяснить рядом обстоятельств. 1) За счет раздела селины бедняки надеялись увеличить свои земли. 2) Общинный налог на сельское пастбище распределялся обычно не по количеству скота, а по числу хозяйств, что было невыгодно малоимущим крестьянам и выгодно богачам, имевшим много скота; в народе даже сложилась поговорка: «сеоска утрина — богаташка испаша» ⁵¹ (сельская утрина —

⁴⁷ Н. Вучо, Указ. раб., стр. 179.

⁴⁸ Там же, стр. 180.

⁴⁹ Дан орања — день пахоты = 0,57 га.

⁵⁰ С. Мијатовић, Белица, «Српски етнографски зборник», 1 год. «Насеља српских земаља», кн. 30, Београд, 1948, стр. 18—19.

⁵¹ С. Вукосављевић. Историја сељачког друштва, стр. 68.

пастбище богатых). Так как богатые крестьяне самовольно захватывали лучшие коллективные земли, беднота стремилась разделить эти земли пока они не перешли в руки богачей.

Правительство отрицательно относилось к разделам общинной собственности, так как считало ее источником поддержания благосостояния крестьянства. Тем не менее сельские общины продолжали делить свои владения. Раньше всего подвергались разделу участки земли, наиболее пригодные для земледелия. Так, например, в Златиборе сначала были разделены ровные участки земли, а лесные участки (земля под гором) дольше оставались в коллективной собственности⁵². Характерной чертой разделов общинной собственности была постепенность. Делили не все владения целиком, а раньше одну из частей, потом другую и т. д. Например, раздел общинных владений с. Жарковац (район Белграда) был завершен только на пятый раз⁵³. Раздел селины обычно начинался с краев, постепенно проникая к центру. Вопрос о разделе селины и паек отдельных хозяйств решало общее собрание. В большинстве случаев его производили представители общинных властей в присутствии членов общины. В некоторых селах Шумадии официальные общинные власти устранялись от раздела, и отдельные родственные коллективы, связанные общностью происхождения, независимо от своей величины, выбирали равное число представителей, производивших раздел селины. Бывали случаи, когда несколько небольших родственных коллективов объединялись и выбирали общего представителя для участия в разделе⁵⁴.

Единого принципа раздела коллективных владений не существовало. В одних селах землю делили по количеству хозяйств, в других — по числу мужчин в хозяйстве, в третьих — по числу душ независимо от пола и возраста⁵⁵. Если землей наделяли только мужчин, то устанавливали максимальную норму надела на одно хозяйство. Например, в с. Жарковац (Белградский округ) раздел производился по числу мужчин в хозяйстве, но было оговорено, что хозяйство не может получить больше четырех паев⁵⁶. Иногда эти принципы раздела сочетались или чередовались, ибо, как правило, раздел был постепенным и производился несколько раз.

Считалось, что земля должна быть поделена на равноценные участки, но в действительности этот принцип нарушался, и бедняки обычно получали наименее удобные участки. Но бывали случаи, когда собрание общинников решало разбить комун на несколько частей и выделять пай в каждой его части. Этот принцип больше соответствовал равному разделу.

Некоторые общины при проведении полного раздела коллективных угодий оставляли неразделенными небольшие участки земли и передавали их в ведение общинного комитета. Эти земли сдавались в аренду, а доходы с них шли в общинную кассу. Бывало, что при разделе коллективных владений богатые члены общины за бесценок скупали у бедняков их пай и сосредоточивали в своих руках много земель. Продажа паев была вызвана, с одной стороны, необходимостью получить деньги для уплаты долгов и налогов, с другой, — тем, что бедноте часто бывало не под силу использовать достававшиеся ей неудобные удаленные участки.

Мы не располагаем официальными данными о времени исчезновения

⁵² Љ. Мићин, Златибор, «Српски етнографски зборник», 1 од. «Насеља српских земаља», кн. 34, Београд, 1925, стр. 406.

⁵³ С. Вукосављевић, Историја селачког друштва, стр. 68.

⁵⁴ Там же, стр. 71.

⁵⁵ М. Ђорђевић, Живот и обичаји у Лесковачкој Морави, «Српски етнографски зборник», 2 од. «Живот и обичаји народни», кн. 31, Београд, 1958, стр. 187.

⁵⁶ С. Вукосављевић, Историја селачког друштва, стр. 68.

общинных земель в Сербии, но некоторые косвенные свидетельства⁵⁷ и материалы Сербского этнографического сборника⁵⁸ показывают, что уже в начале 1880-х годов большинство сельских общин не имело коллективной собственности или имело ее в очень незначительных количествах. Так, хотя большинство сел Ясеницы, Пожаревацкой Моравы, Шумадийской Колубары, Белицы и области по течению Дуная (Смедерево) в конце XIX — начале XX в. еще имело коллективные владения⁵⁹, но они в основном представляли собой земли, не пригодные для обработки (каменистые почвы и леса), и были очень незначительны. Большое «Старо Село» (Шумадия) в начале XX в. имело атар площадью около 29 га⁶⁰; в селах Пожаревацкой Моравы коллективные земли обычно не превышали 10 га⁶¹.

Основные площади общинных земель в Сербии исчезли в течение второй половины XIX в. С 1880-х гг. можно говорить об отсутствии этих земель в большинстве сербских общин или о сохранении здесь такого, небольшого фонда коллективных земель, что они уже не играли никакой роли в экономике сербской сельской общины.

Значительный интерес для нашей темы представляют общинные традиции, сохранившиеся в частном землепользовании. В Сербии сельская община обладала некоторыми правами на частную земельную собственность своих членов и еще в XIX в. продолжала сохранять контроль над нею. Эти права были связаны с потесным режимом землепользования, т. е. с правом общины устанавливать принудительный севооборот, сроки посева, уборки урожая и т. п. Потес каждой общины состоял из нескольких частей, обычно из трех, в связи с господством трехполья. Каждая часть потеса имела свое наименование: так, еще в конце XIX в. в с. Орашеч (Шумадия) имелись потесы Орашский, Врбицкий и Старчевский⁶². Каждый потес имел ограду (царина), защищавшую посевы от потравы; в ограде были устроены ворота, через которые после уборки урожая на живые пускали скот⁶³.

На землях, объединенных в потесы, существовал принудительный севооборот. Чаще всего решение о посеве той или иной культуры на данном потесе принимало общее собрание⁶⁴. Оно же устанавливало сроки посева и уборки урожая. После того, как истекли установленные общиной сроки уборки, собственник земли не мог жаловаться на потраву, если он оставил в поле хлеб или не обнес сено оградой определенного типа. Так, в с. Дорасава (Шумадия) потрава не возмещалась, если нива была огорожена менее чем семью жердями⁶⁵. По истечении сроков убор-

⁵⁷ Известно, что, когда в 1882 г. Народная Скупщина решала вопрос об оплате сельских учителей и на обсуждение был поставлен проект о выделении им земли из фонда общинных владений, большинство депутатов высказалось против этого проекта, ссылаясь на отсутствие общинных земель в большинстве сельских общин («Стенографске белешке Народной Скупштини», Београд, 1882, стр. 281).

⁵⁸ «Српски етнографски зборник», 1 од., «Насеља српских земаља», кн. 1—34, Београд, 1902—1954.

⁵⁹ Б. Дробњаковић, Ясеница, «Српски етнографски зборник», 1 од., «Насеља српских земаља», кн. 13, Београд, 1923, стр. 213—214; М. Миладиновић, Пожаревацка Морава, там же, кн. 25, 1928, стр. 51; Ж. Петар, Шумадиске Колубаре, там же, кн. 31, 1949, стр. 87; Ст. Мијтовић, Белица, там же, кн. 30, 1948, стр. 17; Б. Дробњаковић, Смедеревско Подунавље и Јасеница, там же, кн. 19, 1925, стр. 203.

⁶⁰ Ј. Ердельановић, Етнолошка грађа о шумадинцима; «Српски етнографски зборник», 4 од., кн. 2, Београд, 1951, стр. 12—13.

⁶¹ М. Миладиновић, Указ. раб., стр. 51.

⁶² Ј. Ердельановић, Указ. раб., стр. 102.

⁶³ Ј. Цвијић, Балканско полуострво, т. I, стр. 274—275.

⁶⁴ Љ. Павловић, Антропогеографија Ваљевске Тамнаве, «Српски етнографски зборник», 1 од., «Насеља српских земаља», кн. 8, Београд, 1912, стр. 425.

⁶⁵ С. Вукосављевић, Исторја селачког друштва, стр. 141—142; М. Барјакторовић, О земљишним межама у Срба, Београд, 1952, стр. 34.

ки винограда каждый член общины имел право собирать остатки урожая на чужих виноградниках.

Частные владения были объединены общей системой водоснабжения и дорог. Как правило, водные источники считались собственностью всей общины, независимо от того, на чьем участке находился источник. Через владение любого общинника могли быть проведены искусственные общинные каналы⁶⁶. Кроме того, если это требовалось, собственник земли обязан был оставить незасеянное пространство для дороги⁶⁷.

Система потеса почти повсеместно исчезла лишь к концу 1870-х годов. Коллективные ограды были разрушены; в то же время участилось огораживание отдельных участков⁶⁸. Уничтожение потесного режима явилось следствием дальнейшего развития частного землевладения, разрушавшего сельскую общину.

Власть общины простиралась и на право владельца распоряжаться своей недвижимостью. Нормы обычного права предполагали наличие определенного круга лиц, пользующихся правом преимущественной покупки (право префе куповине) в случае продажи недвижимости. В первой половине XIX в. этим правом обладали все общинники. Первенство отдавалось ближайшим родственникам, затем шли соседи (по обычному праву соседи с восточной и южной сторон обладали большими правами, чем с западной и северной) и другие общинники⁶⁹. В 1847 г. право соседей на преимущественную покупку было официально отменено⁷⁰. Круг родственников, обладающим этим правом, к концу XIX в. очень сузился, — теперь в него входили только лица, которые оказались бы наследниками, если бы продавец умер во время продажи своего имущества⁷¹. Но фактически соседи и другие общинники продолжали пользоваться этим правом и после 1847 г. — в силу народной традиции. Если продавалась какая-либо недвижимость, то прежде всего ее должны были предложить лицам, обладавшим правом преимущественной покупки, и только в случае их отказа ее мог купить кто-нибудь другой. При изменении цены на продаваемую недвижимость продавец был обязан вновь предложить ее тем же лицам и только после этого продать ее постороннему. В случае несоблюдения этого правила, проданная недвижимость могла быть истребована у купившего при условии возврата ему выплаченной суммы⁷².

Обычай «префе куповине» был пережитком порядков, свойственных кровнородственной общине, земельные владения которой находились в коллективной собственности сородичей. По народным представлениям, сохранившимся в Сербии, соблюдение «права префе куповине» было необходимо потому, что в древности все принадлежало одному общему предку и потомки должны были стараться сохранить его собственность целиком⁷³.

Все же во второй половине XIX в. община постепенно теряла контроль над частными владениями, что также было показателем углубления процесса ее разложения. В целом, к концу XIX в. сербская сельская община представляла собой не столько экономическое, сколько административно-территориальное объединение. Этот последний аспект сербской общины также имеет свои интересные особенности.

В Сербии различались два вида общин — городские и сельские, при-

⁶⁶ С. Вукосављевић, Историја селачког друштва, стр. 148.

⁶⁷ V. Bogišić, Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih slavena, Zagreb, 1874, стр. 439.

⁶⁸ Ј. Ердельјановић, Указ. раб., стр. 101—102.

⁶⁹ Љ. Протић, Неки правни običaji око куповине, продаје и трампе, «Гласник Етнографског музеја у Београду», кн. 10, Београд, 1936, стр. 24.

⁷⁰ «Зборник закона и уредба...», т. IV, Београд, 1849, стр. 24.

⁷¹ С. Вукосављевић, Историја селачког друштва, стр. 119.

⁷² Љ. Протић, Указ. раб., стр. 27.

⁷³ Там же.

чем как те, так и другие представляли собой низшие территориально-административные единицы. В 1839 г. закон «Об устройстве общин» официально провозгласил самоуправление общин.

Каждая сельская община имела свое общинное собрание. На ранних стадиях существования сельской общины все ее члены имели равное право голоса. Участники общинных собраний назывались «мали», «мало», «кметови мали», а кметы и другие должностные лица — «велики», «велико», «кметови велики»⁷⁴.

Общинное собрание имело значительные полномочия. На нем избирались общинные власти — председатель общинного суда, кметы, члены общинного комитета и их заместители. Собрание обсуждало широкий круг хозяйственных, административных и иных вопросов, связанных с использованием общинной собственности, отчуждением имущества отдельных общинников, трудовой повинностью членов общины, уплатой налогов государству, благотворительностью, санитарно-медицинским и школьным делом и т. п. На общинном собрании решались и некоторые религиозные дела. Общинное собрание могло изгнать кого-либо из своей среды или наложить на него проклятие — анафему. Собрание решало вопрос о названии общины⁷⁵.

Самостоятельность общинного собрания в решении своих дел в значительной мере была кажущейся. Фактически оно было поставлено под контроль полиции. Полицейские власти утверждали даже бюджет общины, если он не превышал 2 тыс. динаров; если бюджет был больше, его утверждал министр финансов⁷⁶.

Перед созывом собрания председатель общинного суда был обязан известить соответствующие органы государственной власти о дне его созыва. Представители государственной власти имели право присутствовать на собрании, распускать его, проверять деятельность общины и ее кассу⁷⁷. Фактически государственные чиновники направляли всю деятельность общины, а если община выносила какие-либо негодные ей решения, то они отменяли их, ссылаясь на нарушение законов.

До 1866 г. исполнительную власть в селе осуществляли сельские старосты — «кнезы», или «кметы», как их стали называть после освобождения Сербии от турецкого ига. Деятельность кметов была ограничена общинным собранием. В первые годы после освобождения Сербии общинное собрание самостоятельно решало вопросы избрания кмета. Оно могло сместить негодного ей кмета и выбрать нового или, наоборот, продлить полномочия прежнего. Довольно часто случалось, что одно лицо состояло в должности кмета в течение 25—30 лет⁷⁸. При князе Милоше представители государственной власти впервые получили официальное право вмешиваться в избрание общинных властей. В 1840 г. был издан указ, по которому выборы кметов должны были происходить в присутствии начальников срезов. Последние даже получали право выдвигать кандидатуры⁷⁹. Приезжая в село, «капетан» (срезский начальник) обсуждал кандидатуру нового кмета с несколькими богатыми общинниками. Общинное собрание, подавленное авторитетом власти капетана, обычно принимало предложенную им кандидатуру, и кметом становился человек, угодный сельской верхушке⁸⁰. Так при поддержке государства кулачество приобрело административную власть в сербской общине.

В 1866 г. в общинах появились новые органы власти — общинные комитеты. Члены общинного комитета занимались обсуждением бюд-

⁷⁴ Е. Ђорђевић, Село као суд у нашем народном обичајном праву, «Зборник филозофског факултета», кн. 1, Београд, 1948, стр. 269.

⁷⁵ М. Милићовић, Указ. раб., стр. 16—17.

⁷⁶ С. Марковић, Избранные сочинения, М., 1956, стр. 601.

⁷⁷ «Закон о општинама», стр. 46—50.

⁷⁸ «Споменик Српске Краљевске Академије», т. XXIV, Београд, 1849, стр. 29.

⁷⁹ «Зборник закона и уредба», т. 1, стр. 202.

⁸⁰ М. Милићовић, Указ. раб., стр. 14—15.

жета и прочих финансовых дел, раскладывали налоги по отдельным хозяйствам, выносили решения о сборе дополнительных общинных налогов и повинностей, об использовании общинного имущества, о строительстве и ремонте общинных сооружений, о принятии в общину новых членов и т. п. Одной из важных функций комитета был постоянный надзор за деятельностью общинного суда⁸¹. Введение общинных комитетов, к которым перешла власть в общине, на деле привело к ликвидации равного права всех общинников в решении общесельских дел. Теперь всю власть в общине официально получила небольшая группа лиц, в основном представители наиболее зажиточных слоев крестьянства, под контроль которой попали и общинное собрание и общинный суд. Как правило, эти же люди обладали и экономической силой, что позволяло им держать своих односельчан в полном повиновении. Таким образом, сельская верхушка получила официальную власть в общине.

В первые годы после освобождения Сербии от турецкого гнета судебная власть принадлежала кмету и общинному собранию. В 1838 г. по «Уставу княжества Сербского» в сельских общинах были созданы специальные примирительные суды. «Каждая сельская община имеет свой примирительный суд, составленный из одного главного кмета, двух помощников и одного бирова»⁸². Учреждение этих судов привело к утрате общинным собранием его судебных функций, что означало уменьшение роли общинного собрания и увеличение роли сельского старосты, который одновременно являлся председателем примирительного суда. Каждая община должна была построить здание суда — «судницу». Примирительный суд разбирал дела о потравах, о межевых спорах и различных других тяжбах на сумму не свыше 100 грошей. Как показывает уже само название, эти суды ставили своей задачей примирение тяжущихся сторон. Но они обладали и дисциплинарной властью, т. е. могли подвергнуть провинившегося аресту на срок не более трех дней или наказанию палками — до десяти ударов⁸³. Примирительные суды были подчинены окружному суду, туда они передавали все тяжбы на сумму свыше 100 грошей и все дела о преступлениях, требующих наказания свыше трех дней ареста или десяти палочных ударов⁸⁴. Решение примирительного суда могло быть в трехдневный срок обжаловано в окружной суд.

Все дела в примирительных судах велись устно. В затруднительных случаях суд требовал принесения клятвенной присяги. Сербские крестьяне очень боялись таких клятв, считая принесение их грехом. Человек, клявшийся в суде, терял уважение своих односельчан⁸⁵.

После 1866 г. примирительные суды были реорганизованы и переименованы в общинные суды, которые получили не только судебную, но и обширную исполнительную власть. Они ведали бюджетом общины, налоговыми исполнениями, общественным имуществом, следили за содержанием дорог и мостов, вели учет населения и т. п. Председатель общинного суда, осуществлявший исполнительную власть в общине, председательствовал также в общинном комитете и на общинном собрании. Эту должность мог занимать только человек, плативший не менее 25 динаров прямого налога. В подчинении председателя находились кметы, на обязанности которых лежало наблюдение за порядком и приведение в исполнение решений общинного суда. Члены общинного суда избирались на общесельском собрании, но они могли присутствовать к исполнению своих обязанностей только после утверждения их вышестоящими орга-

⁸¹ С. Маркович, Указ. раб., стр. 598—599.

⁸² «Зборник закона и уредба», т. 1, стр. 98. Биров — должностное лицо общины, исполнявшее обязанности полицейского и рассыльного.

⁸³ Там же, стр. 8, 99, 238—240.

⁸⁴ Там же, стр. 8.

⁸⁵ М. Миличевич, Сербская община, «Русская беседа», 1859, № 6, стр. 59—60.

нами государственной власти. Если общинники были недовольны деятельностью членов суда, то они могли только жаловаться окружным государственным чиновникам, а отстранить их от должности сама община до истечения полномочий не могла⁸⁶.

Создание общинных судов привело к образованию внутри сельской общины группы лиц, находившихся под защитой государственной власти и проводивших в жизнь ее законы и постановления. Это способствовало потере общиной ее прежней роли, хотя видимость былой самостоятельности еще сохранялась. Фактически сербская сельская община превратилась в низшую административно-территориальную единицу, внутреннее самоуправление которой было поставлено под контроль государственной власти.

В настоящей статье мы не коснулись ряда общинных традиций, связанных с общесельскими празднествами, народными верованиями и т. п. Этим традициям, стойко сохранявшимся в быту крестьянства, даже и тогда, когда община почти утратила свое экономическое значение, нами будет посвящена особая статья.

* * *

Подведем итоги сказанному. Общинная организация бытовала у сербов вплоть до XIX в. включительно. Однако сама община не оставалась при этом неизменной: в разные исторические периоды ее роль в жизни сербского крестьянства существенно менялась.

Уже в период развитого средневековья сербская сельская община, в связи с развитием частной крестьянской собственности и крупного феодального землевладения, в значительной мере утратила свое прежнее экономическое значение. Этот процесс продолжался и в последующие века, а в XIX в., будучи ускорен начавшимся капиталистическим развитием, привел к почти полной ликвидации общины как экономической единицы. К 1880-м годам большинство коллективных земель было захвачено сельской верхушкой, продано за долги или поделено между общинниками.

Одновременно шел процесс утраты общиной ее древних прав самоуправления. Хотя в первой половине XIX в. сербское правительство официально признало право общин на самоуправление, последнее было поставлено под контроль государства, в результате чего общины фактически превратились в низшие административные единицы, а избиравшаяся общинниками власть — в низших государственных чиновников, защищавших интересы местной верхушки и эксплуататорского государства в целом.

В этих условиях во второй половине XIX в. роль общины свелась к тому, что она привязывала крестьянина к земле, даже если эта земля не могла его прокормить. Чтобы содержать себя и свою семью, большинство крестьян было вынуждено обращаться к деревенским кулакам и неизбежно попадало к ним в кабалу. Прикрепление крестьянина к земле создавало условия для развития в деревне кабальных форм ростовщичества, широко практиковавшихся сельской верхушкой. Обезземеление крестьянства привело к появлению в деревне сельских рабочих с наделом, всегда обеспечивающих кулацкие хозяйства дешевой рабочей силой.

Как известно, частная земельная собственность вообще создает условия для эксплуатации основной массы крестьянства кулацкой прослойкой. В современной Югославии не учитывают этого факта и считают, что строительство социализма в сельском хозяйстве возможно и при сохранении частной земельной собственности. По их мнению, это

⁸⁶ С. Маркович, Указ. раб., стр. 600; «Закон о општинама», стр. 30—34.

строительство должно идти «на основе все более сильных социалистических производительных сил в экономике и особенно в сельском хозяйстве...»⁸⁷. Но о каком развитии «социалистических производительных сил» может идти речь там, где широко сохраняются частнособственнические отношения?

В. И. Ленин говорил о русской общине, что она «...становится во все более и более вредной для крестьянской бедноты»⁸⁸. Это определение роли русской общины в полной мере применимо и к сельской общине Сербии в период капиталистического развития.

SUMMARY

The territorial community structure among the Serbians has deep-going roots, emerging as it did at the time of the Serbians' settlement in the Balkan Peninsula. The village community remained in the subsequent period too; with the development of medieval forms of life, however, the communities everywhere were subordinated to the feudal lords although they retained some of their former privileges — for example, self-government.

In the 19th century the village community among the Serbians almost completely lost its economic importance for the life of the peasantry. At the same time it lost to a considerable degree its former organizational functions and was reduced to the lowest administrative unit, allowed formal self-government but actually controlled by the state. During that period in which capitalist development was already making progress in Serbia, the remnants of communal structure were used by the village elders to exploit the peasants resorting to the most onerous forms of bondage, and became an impediment to social progress.

⁸⁷ «Програм Савеза комуниста Југославије», Београд, 1958, стр. 125—126.

⁸⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 127.